

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-182-199

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВИРТУАЛЬНЫХ И “РЕАЛЬНЫХ” ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ*

З.В. Сикевич, докт. социол. наук, проф. кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ, Университетская набережная, д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034**

А.А. Федорова, канд. социол. наук, Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Университетская набережная, д. 5, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034***

Статья представляет сравнительное исследование коллективных восприятий гендерных установок и брачных стратегий, одобряемых представителями русского этноса. Эмпирической базой для сопоставления послужило сочетание классических и нереактивных методов. В 2014–2015 гг. нами был проведен анкетный опрос среди русских жителей Санкт-Петербурга (квотная выборка по полу и возрасту, 503 участника). Позднее, в 2017–2019 гг. мы провели нереактивный анализ русских сообществ сети ВКонтакте (квотная выборка групп по ценностным ориентациям, общее количество индивидуальных пользователей составило 1 млн 51 тысяча человек). Автоматизированный контент-анализ, методы цифровой этнографии и проективные методики позволили ответить на следующие вопросы:

- *Какими чертами обладает “настоящая русская женщина” и “настоящий русский мужчина” в массовом сознании?*
- *В чем заключаются структурные различия данных образов?*
- *Как проявляются гендерные и брачные стереотипы в “реальном” мире и в киберпространстве?*

Был получен вывод о том, что гендерные схемы в обоих исследованиях менялись медленнее, чем модели супружеских отношений. Содержание портрета русской женщины в обоих исследованиях оказалось более детальным, чем образ русского мужчины. Русские пользователи социальных сетей продемонстрировали приверженность патриархальной модели, которая в меньшей степени наблюдалась в анкетном опросе. Кроме того, высокий уровень радикализма и религиозных ценностей обусловил то, что женщины в виртуальной среде были более конформны в отношении гендерных и брачных установок.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, русская женщина, русский мужчина, брачные стратегии, нереактивные методы, сравнительное исследование, проективные методики.

* Статья выполнена по гранту РФФИ №19-011-00219.

** Сикевич Зинаида Васильевна, e-mail: sikevich@mail.ru

*** Федорова Анна Александровна, e-mail: an-f@list.ru

ETHNOCULTURAL FACTORS IN VIRTUAL AND “REAL” GENDER STEREOTYPES

Sikevich Zinaida V., Doctor of sociology, Professor, Department of cultural anthropology and ethnic sociology, Faculty of sociology, St. Petersburg state University, Universitetskaya embankment, 7-9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: sikevich@mail.ru

Fedorova Anna A., PhD Sci., St. Petersburg Branch of Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Universitetskaya embankment, 5, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: an-f@list.ru

The article presents a comparative study on collective perceptions in gender attitudes and marriage strategies approved by the representatives of the Russian ethnic group. The empirical basis for comparison combines obtrusive and unobtrusive methods. In 2014–2015 we conducted a questionnaire survey among Russian residents of St. Petersburg (the sample was quoted by sex and age, it included 503 participants). Later, in 2017–2019, we performed a non-reactive analysis on the Russian communities in VKontakte network (sample was divided by value orientations, the total number of individual users included 1.051 million people). Big data analytics services, digital Ethnography methods and projective techniques helped us to answer the following questions:

- What features does a “just Russian woman” and a “just Russian man” have in the collective consciousness?*
- What are the structural differences in these perceptions?*
- How are gender and marriage stereotypes manifested in the “real world” and in cyberspace?*

Thus, we obtained the conclusion that gendered patterns in both studies changed much more slowly than the models of the marital relationship. In both studies, the content of Russian women portrait was more detailed than the image of a Russian man. Russian social media users have demonstrated a commitment to the Patriarchal model, which was less evident in the questionnaire. In addition, the high level of radicalism and obvious religious values were the reason why women were more consistent with gender and marriage attitudes in the virtual environment.

Key words: gender stereotypes, Russian woman, Russian man, marriage strategies, non-reactive methods, comparative research, projective techniques.

Постановка проблемы

К числу важнейших задач современной гуманитарной науки правомерно относится изучение взаимной обусловленности отдельных культурных и демографических детерминант: в частности, этничности и гендера.

Нельзя не отметить обширный багаж научных работ, посвященных схожей проблематике в прошлые десятилетия. С конца 60-х гг. прошлого века оформляются основные положения гендерной теории, растет число гендерных исследований, в научный оборот входят такие категории как гендерные различия¹, гендерные

¹ The development of sex differences / Ed. by E.E. Maccoby. Stanford, 1966.

роли², гендерный стереотип³ и др. В российской науке вплоть до настоящего времени гендерному подходу⁴ противостоит традиционная теория полового диморфизма⁵.

В последние десятилетия социологи, как за рубежом⁶ так и в России⁷, отмечают следующие тенденции развития гендерных отношений:

1. Изменение положения женщины в обществе в сторону утверждения гендерного равенства.
2. Снижение ориентации на традиционное распределение “мужских” и “женских” ролей в социальной и семейной жизни.
3. Развитие нуклеарной эгалитарной семьи, в которой наблюдаются равноправные партнерские отношения, в частности, совместное ведение хозяйства и воспитание детей.

Согласно ряду исследований, проведенных нами с конца 1990-х гг.⁸ до настоящего времени⁹, российская семья все еще сохраняет в большей мере традиционные установки. Так, модель патриархатной семьи доминирует над партнерской, что обусловлено спецификой гендерных установок в нашей стране. Кроме того, устойчивы гендерные представления и стереотипы, признание гендерного равенства носит в большей мере декларативный характер, слабо реализуется как во взаимном восприятии полов, так и в целом на уровне социального поведения.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что большая часть подобных локальных гендерных исследований носит преимущественно национальный характер¹⁰. По нашим наблюдениям, лишь немногие

² Money J., Ehrhardt A. Man & woman, boy & girl: gender identity from conception to maturity. Northvale, 1996.

³ Garrett C., Ein P., Tremaine L. The development of gender stereotyping of adult occupations in elementary school children // Child Development. 1977. N 48. P. 507–512.

⁴ Введение в гендерные исследования / Под ред. И.А. Жеребкина. Ч. I. Харьков, 2001.

⁵ Ильин Е.В. Пол и гендер. СПб., 2009.

⁶ Hochschild A. So How's the Family? and Other Essays. Berkeley, 2013; Allan G. Family life. Oxford, 1985; Goode W. World revolution and family patterns. N.Y., 1997.

⁷ Ушакова В.Г. Семейная политика в современной России: социологический анализ // Демографические изменения и семейная политика в России и Китае. СПб., 2015.

⁸ Сикевиц З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб., 2004.

⁹ Сикевиц З.В., Фёдорова А.А. “Мы — русские” (ассоциативные этнические образы молодых петербуржцев) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 7 (3).

¹⁰ Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия. Общественные науки. 2012. № 4 (170).

авторы¹¹ учитывают влияние этничности на брачные и гендерные установки. Несмотря на то что в среде западных исследователей работы подобного профиля появляются хоть и не часто, но относительно регулярно¹², в русскоязычной социологии большинство из них относится к рубежу XX–XXI вв.¹³

Таким образом, вне поля зрения российских социологов оказывается взаимовлияние этнических и гендерных установок в условиях значительного ускорения темпов общественной жизни и широкого распространения процессов виртуализации формата Web 2.0. К примеру, согласно прогнозам¹⁴ все той же двадцатилетней давности, реализация различных аспектов идентичности (таких как этничность и гендер) в киберпространстве должна была приобрести качественно иные характеристики в сравнении с так называемой “реальной” идентичностью¹⁵.

Однако оценка истинности данных прогнозов применительно к современной нам виртуальной и “реальной” коммуникации представителей русского этноса не представляется возможной в связи с тем, что сложные конфигурации взаимосвязи гендера и русской этничности продолжают оставаться недостаточно освещенными в контексте виртуальных тенденций и сдвигов.

Методы исследования

Для эмпирической верификации этих посылок нами было проведено сравнительное исследование этнической обусловленности гендерных представлений в классическом социологическом опросе и в нереактивном изучении виртуальных сообществ¹⁶. Использование

¹¹ Петренко В.Ф., Митина О.В. К проблеме евразийства: этнические гендерные стереотипы // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 18. С. 61–69

¹² Garg N., Schiebinger L., Jurafsky D. Word embeddings quantify 100 years of gender and ethnic stereotypes // Proceedings of The National Academy of Sciences of The United States of America. 2018. N 115 (16). P. E3635–E3644; Ghavami N., Peplau L. An intersectional analysis of gender and ethnic stereotypes: testing three hypotheses // Psychology of Women Quarterly. 2013. N 37 (1). С. 113–127.

¹³ Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В., Разгоняева Е.В. Гендерные особенности этнических стереотипов студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21; Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Философские науки. 2000. № 3; Шилова Т.А. Миф о русской женщине на страницах интернета: к вопросу о гендерном аспекте этнической стереотипизации // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. 2000.

¹⁴ Castells M. The power of identity. Oxford, 1997.

¹⁵ Poster M. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communications // Cybersociety 2.0: Revisiting CMC and community. L., 1998.

¹⁶ Lee R. Unobtrusive methods in social research. Buckingham, 2000.

столь неконвенционального подхода позволило нам сопоставить гендерные стереотипы о русской женщине и русском мужчине, выявить их ключевые различия и точки пересечения.

Опираясь на имеющиеся материалы проведенного нами исследования соотношения гендерных и этнических установок “Динамика нормативных представлений в условиях культурного конфликта” (СПб., 2014, 503 человека, выборка квотная по критериям пола и возраста, все респонденты — русской национальности), мы провели анализ ключевых черт гендерных образов и стратегий.

Однако принимая во внимание потенциальный эффект социальной желательности, фигурирующий в очных опросах, для осуществления второй — виртуальной — части сравнительного исследования, нами был использован комплекс незаметных (*Unobtrusive*) методов. Так, с помощью автоматизированного сбора цифровых следов, контент-анализа визуальных материалов и полиитерационного наблюдения в рамках цифровой этнографии нами были проанализированы гендерные представления в 10 русских сообществах сети ВКонтакте (2018, охват аудитории 1 млн 51 тысяча пользователей, квотная выборка групп по заявленным ценностным ориентациям).

Поиск исследуемых сообществ проводился на основании декларируемого самопричисления групп к числу русских, выраженного в названии или описании. Принимая во внимание идеологическую про-русскую направленность исследуемых групп, высокий уровень их радикальности и национализма, а также тенденции их саморегуляции, мы склонны рассматривать всех участников данных сообществ с точки зрения наблюдаемой самопрезентации, т.е. как людей с демонстрируемой русской этнической принадлежностью.

Учитывая особенности нереактивной стратегии, не подразумевающей прямой контакт с пользователем по поводу представленных им публичных данных, все полученные результаты были подвергнуты глубокой анонимизации и будут представлены в тексте статьи в обобщенном виде.

Сопоставление результатов обоих эмпирических исследований проводилось нами в форме сравнения:

- 1) образов “настоящего русского мужчины” и “настоящей русской женщины” (под которыми мы понимает выявленные гендерные стереотипы и иные представления, транслируемые респондентами в ассоциативной связке с этнической принадлежностью);

- 2) стратегий брачных установок.

Именно эти смысловые блоки будут подробно рассмотрены нами в описании результатов исследования.

Результаты

Образы “настоящих русских” мужчины и женщины

Устойчивые представления о самих себе и значимых других представляют собой важную часть жизненного мира индивида, а потому различные формы реализации гендерных авто- и гетеростереотипов (идеи о себе как о носителе гендерных черт и о представителях противоположного пола) были выявлены нами как при анализе результатов анкетного опроса, так и в дискуссиях, характерных для пространства виртуальной русской этничности.

Такого рода гендерные оценки и нормы могут проявляться как на рефлексивном уровне, контролируемом социальными предписаниями, так и на уровне, не вполне осознаваемых реакций, соответствующих традиционному восприятию гендерной нормы.

Таблица 1

Гендерные образы, (в % к числу ответивших)

Фразеологизмы	Настоящий мужчина		Настоящая женщина	
	Для мужчин	Для женщин	Для мужчин	Для женщин
Держит себя в руках	20,5	17,0	10,3	13,0
Берет все в свои руки	13,4	21,5	5,5	13,5
Берет быка за рога	13,4	10,0	0,7	1,0
Стоит на своем	13,4	9,5	6,9	8,0
Живет по совести	9,6	13,0	9,6	10,0
Работает в поте лица	8,2	12,5	–	1,5
Гребет деньги лопатой	5,5	7,5	1,4	1,0
Болеет душой	4,1	6,5	21,4	19,0
Себе на уме	3,5	1,5	5,5	5,5
Платит той же монетой	2,8	–	2,8	2,5
Принимает близко к сердцу	2,1	–	23,4	20,0
Обводит вокруг пальца	2,1	–	2,8	4,5
Душа нараспашку	1,4	0,5	1,4	1,0
Витает в облаках	–	–	6,2	2,5
Идет на поводу	–	0,5	2,1	1,0
ВСЕГО	100	100	100	100

Для выявления этих реакций в анкетном опросе мы обратились к психолингвистической методике: респонденту предлагалось из пятнадцати качеств, сформулированных в форме фразеологизмов, выбрать три, которые с его точки зрения в наибольшей мере соответствуют образу “настоящего русского мужчины” и “настоящей русской женщины” (см. табл. 1).

В целом образы “настоящего русского мужчины” и “настоящей русской женщины” у представителей обоих полов не слишком различаются, что косвенно свидетельствует о сходных ожиданиях в отношении друг друга и потенциально положительном взаимодействии. Тем не менее, представление о настоящей женщине у русских представителей обоих полов несколько более согласовано, чем представление о настоящем мужчине. Исключение составляет представление о лидерстве (см. табл. 1). Этот факт косвенно свидетельствует о большей ригидности и меньшей пластичности фемининных качеств по сравнению с маскулинными.

Тем не менее, было выявлено противопоставление качеств, соответствующих устоявшейся в русской культуре норме “мужественности” и “женственности”. Среди респондентов доминирует уверенность в том, что биологический пол маркирует не только физиологические, но и поведенческие характеристики человека. Исключение составляют нравственные качества (“живет по совести”) в равной мере значимые и для мужчин, и для женщин, хотя по своему весу и не самые важные.

Настоящего мужчину, по мнению самих мужчин, отличает самообладание (1-е место по выбору), чувство ответственности, решительность и твердость (2–4-е места). Женщины в этом же образе на первое место ставят чувство ответственности, на второе — самообладание, на третье место — нравственную позицию (“живет по совести”) и на четвертое — трудовую активность (“работает в поте лица”). Примечательно, что для самих мужчин последнее качество менее значимо. Респонденты обоих полов сомневаются в праве мужчины на душевную тонкость, чувствительность (“болеет душой” и “принимает близко к сердцу”), романтизм (“витает в облаках”) и зависимость (“идет на поводу”) — все эти качества занимают последние места по выбору.

Хитрость (“себе на уме” и “обводит вокруг пальца”) не приветствуется ни у мужчин, ни у женщин. Этот факт полностью соответствует образу типичного русского человека, выявленному нами в более раннем исследовании. Вместе с тем другое типичное “русское” качество — простодушие и открытость (“душа нараспашку”) фактически отсутствует в гендерных установках и занимает одно

из последних мест по выбору. Вероятнее всего это объясняется тем, что человек как носитель этнических признаков не воспринимается одновременно в контексте гендерных отношений, т.е. гендерные и этнические образы существуют автономно.

По душевным и эмоциональным качествам “настоящая русская женщина” — антипод “настоящего русского мужчины”. Принимать все близко к сердцу и болеть душой вменяется ей в обязанность представителями обоих полов, причем эти качества занимают по своему весу первых два места по выбору. Примечательно, что эти две черты фактически вытеснили из женского образа прочие характеристики. Некоторое исключение составляет только самообладание (“держит себя в руках”), что, кстати, плохо согласуется с установкой на душевную чувствительность и чувство ответственности (для женской выборки). Как мы видим, образ “настоящей русской женщины” более четкий и концентрированный, в то время как настоящий мужчина воспринимается несколько более размыто и неопределенно.

По данным таблицы, очевидно, что идеология “*unisex*” отвергается, в противном случае ожидаемые качества обоих полов должны были бы если и не полностью совпадать, то во всяком случае не составлять полную противоположность как в представленных выше данных.

Переходя к описанию результатов анализа гендерных стереотипов в среде русских виртуальных сообществ, следует в первую очередь отметить, что в нашей выборке были равнозначно представлены группы различных типов, репрезентирующих весь спектр возможных этнокультурных ценностей (дихотомии “религиозность — секулярность”, “прошлое — будущее”, “радикализм — умеренный этноцентризм”).

Автоматизированный анализ гендерного распределения в изучаемых сообществах продемонстрировал более чем двукратное преобладание русских мужчин-участников (68,1%) над суммарным количеством женщин (31,9%). Объяснение подобному дисбалансу было выявлено нами позднее на материале контент-анализа дискуссий: так, в наблюдаемых групповых дискуссиях отмечался высокий уровень женской конформности в следовании общественно одобряемым ценностям, таким как избегание конфликтогенных сред и радикальных этнических суждений.

В связи с этим участие женщин в радикальных националистических русских группах в одинаковой степени осуждалось представителями обоих полов. Большинство кейсов подобных предписаний укладывалось в вербальное ограничение женских интересов, сум-

мированных нами в высказывании “Женщинам важнее семья, дом и нравственность, политика — мужское дело”.

Напротив, включение женщин в русские сообщества, построенные на обсуждении истории, религии и культуры народа, описывалось участниками групп как допустимая и общественно одобряемая стратегия, что в свою очередь имплицитно привело к преобладанию женщин в подобных умеренных сообществах.

В целом, именно ценностная дифференциация изучаемых виртуальных групп послужила смысловой границей для выделения гендерных стереотипов. В наиболее четкой форме это разграничение проявилось на материалах анализа стереотипов о “настоящей русской женщине”, к которым мы обратимся в первую очередь.

Парадоксально, но несмотря на уже отмеченное нами ранее негативное отношение к женскому участию в радикальных сообществах, именно в данной среде первые три позиции одобряемых женских черт оказались представлены типично-маскулинными характеристиками “сильные”, “самостоятельные” и “мужественные”. Вместе с тем, в 73% случаев обсуждение этих качеств было связано с дискуссиями о женщинах — героях Великой Отечественной войны, чье поведение приводилось в качестве “примера нынешнему поколению девушек”.

В то же самое время, образ “современной русской женщины”, описывался участниками радикальных сообществ с критической позиции: к примеру, участие представительниц женского пола в российской политике характеризовалось ими как “проспонсированное”, в то время как “обычные девушки” удостоивались оценок “куклы размалеванные” и “с ними у народа нет никакого будущего”.

Визуальный контент-анализ изображений женщин в радикальных сообществах также продемонстрировал следование упомянутым трендам. Как фотографии участниц группы, так и абстрактные изображения “идеальных девушек” были объединены мотивами здорового образа жизни, молодости и активности.

Полной противоположностью такого подхода стал образ русской женщины, транслируемый в группах, посвященных в первую очередь православной вере. В них контент-анализ визуальных данных продемонстрировал практически полное отсутствие изображений молодых женщин: редкие фотографии на эту тему носили характер групповых постановочных снимков в церкви (где лица прихожанок трудно различимы), либо представляли собой изображения-отсылки к праведному поведению женщин на Руси (внимание зрителей акцентировалось на традиционной одежде, хозяйственных практиках, окружающей природе).

В свою очередь, личностные характеристики настоящей русской женщины, распространенные в дискурсе религиозных и этнокультурных групп, прямо соотносятся с результатами проведенного нами анкетного опроса. Ранжирование выявленных нами в ходе анализа типичных “феминных” черт продемонстрировало следующие результаты:

“Настоящая русская женщина”: 1) отличается духовностью и нравственной чистотой; 2) добра; 3) сострадательна и жертвенна; 4) скромна и романтична; 5) трудолюбива.

Интересно, что категория “ум” не нашла значимого отражения в результатах контент-анализа (к ней относится не более 0,03% высказываний), однако вместе с тем к числу одобряемых женских черт были отнесены характеристики “образованная” и “обладает грамотной речью”.

В описании внешних элементов гендерного образа участники нерадикальных сообществ оказались согласны в отношении несомненной красоты русской женщины. Однако важно отметить, что согласно данным автоматического анализа, наибольшее одобрение в форме лайков и перепостов получали посты и фотографии, относящиеся к смысловому блоку “натуральная красота”. Длинные волосы, отсутствие яркого макияжа, костюмы и элементы образа, отсылающие к Древней Руси — все это выступило наиболее распространенными чертами внешности русской женщины, транслируемой в сообществах умеренного толка.

Принимая во внимание подробный характер стереотипов о русских женщинах, бытующих в виртуальном пространстве, логичным было бы предположить, что коллективные представления о русских мужчинах будут обладать схожим уровнем детализации. Тем не менее, там, где нормативное поведение и внешность женщин были регламентированы большим количеством правил и стереотипов, черты типичного русского мужчины оказались значительно менее четкими и слабо регулируемы.

Другим важным аспектом образа русского мужчины стала принципиальная схожесть его элементов в различных по своим ценностным ориентациям сообществах, а также наблюдаемые совпадения между данными анкетного опроса и нереактивного виртуального исследования.

Итак, “настоящий русский мужчина” в представлении участников русских сообществ: 1) может защитить страну и близких¹⁷;

¹⁷ По нашим подсчетам, на изображения солдат, оружия и мужчин в локациях военных действий в разных русских сообществах приходилось от 32 до 54% всех визуальных материалов за последний год.

2) стоек, вынослив (морально и физически); 3) умеет брать на себя ответственность; 4) изобретателен; 5) трудолюбив, не боится тяжелой работы¹⁸.

Говоря о внешности русского мужчины, важно отметить общую для всех изучаемых сообществ “бедность” образа, который по большей части сводился к указаниям на силу и мощь. В то же время, важной частью описания стали характеристики “от обратного”, указывающие на то, как не должен выглядеть русский мужчина. К числу подобных запретов относились высказывания “Оделся как хипстор”, “Фотографируется как баба” и “Это уже европейский гей, а не русский мужик”.

На наш взгляд, подобная “бедность” выявленных коллективных представлений об облике русского мужчины прямо связана с наличием так называемых неписанных границ допустимого, не нуждающихся в дополнительном озвучивании, а потому выпадающими из потенциальных результатов контент-анализа.

Вместе с тем, анализ таких аспектов гендерной стереотипизации, как характер и внешность, по нашему убеждению, не в полной мере описывают этнокультурную обусловленность изучаемых представлений. Именно по этой причине дополнительным аспектом сопоставления в нашем исследовании послужило восприятие супружеских отношений в виртуальном и “реальном” пространствах.

Образы супружеских отношений

Брачные установки так же как и гендерные образы выяснялись в анкетном опросе посредством специальной методики, составленной из русских пословиц, трактующих супружеские отношения с точки зрения соответствия традиционной норме.

Участникам опроса предлагалось оценить степень своего согласия с каждой из 11 пословиц по пятибалльной шкале, где 5 — “полностью согласен”, 4 — “скорее согласен”, 3 — “в чем-то согласен, в чем-то не согласен”, 2 — “скорее не согласен” и 1 — “совершенно не согласен”.

Средний балл согласия мужчин со всеми оцениваемыми суждениями составил 3,4 балла, женщин — 3,0 балла. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что мужчины несколько в большей мере принимают традиционные нормативные установки, чем женщины.

¹⁸ Интересно, что данная характеристика демонстрировалась чаще всего по ходу дискуссий и обсуждений, практически не подкрепляясь визуальными образами.

**Традиционные брачные установки русских респондентов
(средний балл; от 5 до 1 балла)**

Пословицы	Муж.	Жен.
Муж с женой бранятся, а под одну шубу ложатся	4,5	4,0
Муж и жена — одна сатана	4,2	4,0
Птица крыльями сильна, жена мужем красна	4,2	3,6
Жена без мужа — всего хуже	3,7	2,9
Муж — голова, жена — шея	3,7	4,6
Хоть плох муженек, а завалюсь за него — не боюсь ничего	3,5	2,5
У плохого мужа жена всегда дура	3,4	3,2
Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет	3,3	4,1
Муж пашет, а жена пляшет	2,6	2,5
Кого люблю, того и бью	2,1	1,5
Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая	2,0	2,2

Опрошенные мужчины отклоняют только 3 из 11 пословиц (оценка ниже 3 баллов), все они отражают стиль отношений, который безвозвратно уходит в прошлое. Так, “муж пашет, а жена пляшет” не соответствует современной реальности, так как большинство женщин работает, а, учитывая то, что им приходится еще и вести дом, то они “пашут” даже больше, чем их супруги.

Пословица “чужая жена — лебедушка, а своя полынь горькая” во многом потеряла свою актуальность после отказа от восприятия брака как освященного церковью пожизненного союза в пользу допустимости развода и, образно говоря, смены “полыни” на “лебедушку” (серийная моногамия). Важно то, что изменение нормы носит не только институциональный характер, но и принимается на уровне массового сознания.

Изменившийся характер супружеских взаимоотношений обуславливает и низкий уровень согласия с наиболее известной сентенцией “кого люблю, того и бью”. Несмотря на традиционность подобного представления, по сей день бытующего в русской деревне, большинством горожан этот стереотип уже отклоняется в соответствии с современной нормой взаимного уважения.

В отличие от опрошенных мужчин женщины отклоняют еще два стереотипных утверждения: “хоть плох муженек, а завалюсь за

него — не боюсь ничего” (мужчины — 3,5 балла, женщины — 2,5 балла) и “жена без мужа — всего хуже” (соответственно 3,7 балла и 2,9 балла). Обе пословицы достаточно близки по своему содержанию и констатируют типичное для любого традиционного общества представление о неполноценности и маргинальности статуса незамужней женщины, для которой даже самый “плохонький” муж предпочтительнее полного отсутствия такового.

Обратимся к суждениям, которые вызвали наибольшую степень согласия респондентов обоих полов.

Так, у мужчин первое место по оценке заняла пословица “муж с женой бранятся, а под одну шубу ложатся”. Иными словами, интимные отношения способны разрешить любой семейный конфликт. Женщины, оценивая это утверждение тоже довольно высоко (4,0 балла), тем не менее ставят его лишь на второе место после суждения “муж — голова, жена — шея” (см. табл. 2).

Сходной по смыслу является менее известная пословица “жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет” (4,1 балла, мужчины — 3,3 балла). Обе пословицы косвенно утверждают в качестве нормативного образ типичной русской семьи, где мужчина признается ее главой лишь формально, а в реальности всем заправляет жена, которая вертит им как шея — головой и “ведет под свой нрав”.

Это мнимо патриархальный тип семьи, в действительности же близок к матриархатной модели. Мужчины, судя по их ответам, сопротивляются подобным претензиям, хотя частично их и признают.

По этой же причине расходятся во мнениях мужчины и женщины относительно утверждения доминирующей роли мужчины в семье — “птица крыльями сильна, жена мужем красна” (4,2 балла и 3,6 балла). На основании этого можно предположить, что современные женщины в этом уже далеко не так уверены, как их спутники жизни.

Впрочем, все представленные в данном разделе выводы имеют прямое отношение исключительно к выборке, созданной в рамках проведения очного анкетного опроса.

Дизайн второй части нашего исследования, проведенного на материале виртуальных сообществ, не предполагал прямого сравнения численных показателей с опросной методикой. В то же самое время результаты контент-анализа групповых дискуссий и визуальных цифровых следов позволили нам косвенно сопоставить данные первого и второго этапов исследования.

Сообразно с изначальной кластерной выборкой, четыре из десяти изучаемых групп отличались ориентацией на религиозные ценности, еще четыре русских сообщества придерживались секулярного

мировоззрения, а два сообщества придерживались нейтральных мировоззренческих позиций. Наличие подобного разграничения позволило нам выявить аспекты брачных стратегий и образов супружеских отношений, характерных для обеих категорий пользователей.

Итак, по нашим данным 23,4% пользователей русских сообществ, попавших в выборку, отметили в своем профиле графу “состою в браке”. Кроме того, 37% от числа индивидуальных пользователей заявили на своих страницах, что именно семья и дети представляют для них наибольшую ценность, что существенно превысило иные категории ценностей, такие как саморазвитие (16,4%) и деньги/власть (11,7%).

Однако нельзя не отметить, что эти показатели действительно существенно различались внутри сообществ с разными ценностными ориентациями: так, 62,8% пользователей в православных русских группах состоят в законном браке, в то время как для радикальных секулярных групп данный показатель составляет 17,3%.

Переходя к качественным характеристикам, следует отметить высокий уровень традиционализма, типичный для русских сообществ, связанных с религиозной проблематикой. С опорой на мнение экспертов, которыми в данной среде выступали высказывания святых, трактования священников и сказания, участники сообществ обоих полов отмечали следующие одобряемые брачные установки:

Для женщин:

1. Уважать мужа и родителей, быть послушной и праведной.
2. Заниматься в первую очередь воспитанием детей, быть хранительницей домашнего очага.
3. Соблюдать скромность и целомудрие, выбирать супруга один раз и на всю жизнь.

Для мужчин:

1. Обеспечивать семью, быть добытчиком.
2. Брать ответственность за решения в семейном кругу.
3. Заниматься поиском жены для продолжения рода.

Все названные черты гендерного поведения фактически поддерживают патриархальную модель русской семьи, которая согласно данным анкетного опроса постепенно начинает отходить в иных социальных кругах на второй план. По нашему мнению, смысловая связка “русская этничность — православие” обеспечила высокий уровень брачного консерватизма среди участников религиозных сообществ, где наблюдается ценностная и мировоззренческая гомогенность.

Вместе с тем, проводя сравнение между брачными установками религиозных и секулярных русских групп, стоит отметить ряд сходств и различий:

– В обоих типах сообществ наблюдалось преобладание позиции “мужчина всегда прав”, которая, впрочем, имела разные основания: традиционный взгляд на место женщины в умеренных православных группах (“Так было у наших дедов”) и презрительно-высокомерное отношение к современной женщине в радикальных секулярных группах (“Делать больше нечего, как этих гламурных кис слушать”).

– Различия в оценке ценности семьи и брака, который для участников секулярных сообществ обоих полов имел статистически меньшее значение, нежели для пользователей, включенных в религиозные группы.

Выводы

1. Гендерные схемы — представления о “правильных” моделях мужского и женского поведения, которым должны следовать “настоящие русские мужчины и женщины”, меняются медленнее, чем модели супружеских отношений. Это, безусловно, противоречие ценностных установок, которое участники опроса сами не замечают. Ведь “маскулинный” мужчина и “фемининная” женщина явно будут чувствовать себя в партнерской семье не очень удобно, им бы скорее подошел традиционный брак с четкой иерархией статусов и ролей.

2. В целом мужчины более традиционны как в гендерных стереотипах, так и в представлении о нормах супружеских отношений. Большой готовностью мужчин следовать общепринятой культурной норме, на наш взгляд, объясняется явное противоречие между позициями женщин как представительниц пола и женщин как жен. Можно предположить, что в поисках спутника жизни современной женщине в России приходится в известной степени мимикрировать, подстраиваясь под мужской идеал женственности, вполне определенный и патриархальный. Но, став женой и “шеей” семейного союза, та же женщина может себе позволить менее “фемининное поведение”, с которым волей-неволей приходится мириться ее мужу. Эта гипотеза требует более детального изучения, однако она в полной мере соответствует выявленным в ходе исследования эмпирическим фактам.

3. Необходимо подчеркнуть, что все эти данные отражают этнокультурную обусловленность установок русских по националь-

ности петербурженков, т.е. выводы следует лишь с осторожностью экстраполировать на общероссийскую выборку, не говоря уже о представителях других национальностей.

4. Реализация таких аспектов идентичности как этничность и гендер в киберпространстве приобретает несколько иные характеристики по сравнению с так называемой “реальной” гендерной идентичностью, что вероятнее всего обусловлено специфическими особенностями участников виртуальных сообществ.

5. В виртуальном пространстве фиксируется высокий уровень конформности женщин в следовании общественно одобряемым ценностям, в частности, в избегании конфликтогенных сред и радикальных этнических суждений.

6. Участие женщин в радикальных националистических сообществах осуждается представителями обоих полов, в то время как стратегия включения женщин в сообщества, построенные на обсуждении истории, культуры и религии одобряется.

7. Идеальная русская женщина отличается здоровым образом жизни, молодостью, активностью и “натуральной красотой” (длинные волосы, отсутствие макияжа).

8. Нормативное поведение женщины в виртуальных сообществах регламентируется большим числом правил и стереотипов, чем поведение мужчины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Введение в гендерные исследования / Под. ред. И.А. Жеребкина. Ч. I. Харьков, 2001.

Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В., Разгоняева Е.В. Гендерные особенности этнических стереотипов студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21.

Ильин Е.В. Пол и гендер. СПб., 2009.

Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2012. № 4 (170).

Петренко В.Ф., Митина О.В. К проблеме евразийства: этнические гендерные стереотипы // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 18. С. 61–69.

Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Философские науки. 2000. № 3.

Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб., 2004.

Сикевич З.В., Фёдорова А.А. “Мы — русские” (ассоциативные этнические образы молодых петербуржцев) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 7 (3).

Ушакова В.Г. Семейная политика в современной России: социологический анализ // Демографические изменения и семейная политика в России и Китае. СПб., 2015.

Шилова Т.А. Миф о русской женщине на страницах интернета: к вопросу о гендерном аспекте этнической стереотипизации // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. 2000.

REFERENCES

Allan G. Family life. Oxford, 1985.

Castells M. The Power of Identity. Oxford, 1997.

Garg N., Schiebinger L., Jurafsky D. Word embeddings quantify 100 years of gender and ethnic stereotypes // Proceedings of The National Academy of Sciences of The United States of America. 2018. N 115 (16). P. E3635–E3644.

Garrett C., Ein P., Tremaine L. The development of gender stereotyping of adult occupations in elementary school children // Child Development. 1977. N 48. P. 507–512.

Ghavami N., Peplau L. An intersectional analysis of gender and ethnic stereotypes: testing three hypotheses // Psychology of Women Quarterly. 2013. N 37 (1). P. 113–127.

Goode W. World revolution and family patterns. N.Y., 1997.

Hochschild A. So how's the family? and other essays. Berkeley, 2013.

Ilin Ye. V. Pol i gender [Sex and gender]. SPb., 2009 (in Russian).

Lee R. Unobtrusive methods in social research. Buckingham, 2000.

Lobko N.A. Tradicionnye gendernye stereotipy v kul'ture sovremennoj Rossii [Traditional gender stereotypes in the culture of modern Russia] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2012. N 4 (170) (in Russian).

Money J., Ehrhardt A. Man & woman, boy & girl: gender identity from conception to maturity. Northvale, 1996.

Petrenko V.F., Mitina O.V. K probleme evraziystva: jetnicheskie gendernye stereotipy [To the problem of Eurasianism: ethnic gender stereotypes] // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2011. N 18. S. 61–69 (in Russian).

Poster M. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communications // Cybersociety 2.0: Revisiting CMC and community. L., 1998.

Rjabov O.V. Mif o russkoj zhenshhine v otechestvennoj i zapadnoj istoriosofii [Myth of Russian woman in Russian and Western philosophy of history] // Filosofskie nauki. 2000. N 3 (in Russian).

Shilova T.A. Mif o russkoj zhenshhine na stranichah interneta: k voprosu o gendernom aspekte jetnicheskoy stereotipizacii [Myth about the Russian woman on the Internet: on the issue of gender aspect of ethnic stereotyping] // Gendernye issledovanija v gumanitarnyh naukah: sovremennye podhody. 2000 (in Russian).

Sikevich Z.V., Fedorova A.A. "My — russkiye" (assotsiativnyye etnicheskiye obrazy molodykh peterburzhtsev) ["We are Russians" (associative ethnic images of young Petersburgers)] // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika, 2019. N 7 (3). S. 40–56 (in Russian).

Sikevich Z.V., Krokinskaia O.K., Possel' Iu.A. Sotsial'noe bessoznatel'noe [Social unconsciousness]. SPb., 2004 (in Russian).

The development of sex differences / Ed. by E. Maccoby. Stanford, 1966.

Ushakova V.G. Semeynaya politika v sovremennoy Rossii: sotsiologicheskii analiz [Family policy in modern Russia: a sociological analysis] // Demograficheskiye izmeneniya i semeynaya politika v Rossii i Kitaye [Demographic Change and Family Policy in Russia and China] / Ed. by N.G. Skvortsov. SPb., 2015 (in Russian).

Vvedeniye v gendernyye issledovaniya [Introduction to gender studies] / Ed. by I.A. Zharebkina. Khar'kov, 2001 (in Russian).

Zalevskij G.V., Kuz'mina Ju.V., Razgonjaeva E.V. Gendernye osobennosti jetnicheskikh stereotipov studencheskoj molodezhi [Gender features of ethnic stereotypes of student youth] // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2005. N 21 (in Russian).